

Василь Ткачев

Недоразумения

(Веселые и грустные истории в 2-х действиях)

Гомель

1997

Недоразумение первое. СЛЕДСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

ДЕЙСТВУЮТ:

САЗУРА – участковый, 40-45 лет

ЦИТРУС – его сосед, около 70 лет

СТРЕЛА – ровесница Цитруса

ПАВЛИК – пацан

ПЛЕМЯНИК – 20 лет

ГОЛОС МАРЬИ

Наши дни. Деревня. Более чем скромная комната в крестьянском доме. В одну шеренгу стоят Цитрус, Стрела и Павлик, перед ними ходит, заложив руки за спину, Сазура.

САЗУРА. Вы, мои уважаемые земляки, наверно, уже догадались, почему я вызвал вас в дом недавно усопшей Мары Куделькиной.

ЦИТРУС (*тянет руку*). Пару слов можно?

САЗУРА. Можно и больше. Говори, Цитрус.

ЦИТРУС. Я... я здесь лишний, товарищ участковый. Лишний я!

СТРЕЛА. А кто ж тогда я? Или всё на меня свернуть хочешь, ворюга?

Павлик смеётся.

САЗУРА. Тише, товарищи! Тише!

ЦИТРУС. Я не брал. Мне подсунули. Провокация!

СТРЕЛА. А чего же мне никакой дьявол не подсунул телевизор? Наложил в штаны – так стой и не шевелись! Ему подсунули. Хорошенькое дело!

САЗУРА (*Цитрусу*). Отрицаешь факт воровства, сосед? Только честно. Меня не обманешь. По глазам же видно. А?

ЦИТРУС (*махнув рукой*). Ладно. Заноси в свои чёрные списки: взял я телевизор самолично, потому как посчитал, что раз Марья на тот свет его с собой не прихватила, то ей он больше не нужен. Вот.

ПАВЛИК. Отпустите меня, дяденька милиционер.

САЗУРА. Побудь с нами, Павлик. К тебе у меня разговор особый. Не торопись. Теперь, надеюсь, догадались, зачем я вас сюда вызвал? Или нет?

ЦИТРУС. Да понятно!

СТРЕЛА. Понятнее быть не может.

САЗУРА. А тебе, Павлик?

ПАВЛИК. Не докажете...

САЗУРА. Поэтому будем брать, так сказать, быка за рога. Проведём следственный эксперимент.

ЦИТРУС. Ишь ты! Что это за штукенция такая?

СТРЕЛА(дёрнула Цитруса за сорочку). Стой и не шевелись!

ЦИТРУС. Я ещё шевелиться умею. Поэтому не дёргай.

САЗУРА. Прошу соблюдать порядок и дисциплину. Или вы, может, желаете, чтобы следственный эксперимент приехали проводить люди из райцентра?

ЦИТРУС. Нет, нет! Чужих не надо! Проводи уже ты.

СТРЕЛА. Экспериментируй.

ЦИТРУС. Ты же нас знаешь. Да и сосед. Вчера у меня телегу брал.

ПАВЛИК. Дядька Адам Карпович, отпустите меня, мне некогда... Хлопцы ждут.

САЗУРА. Подождут твои хлопцы. Я ещё и до них доберусь.

ПАВЛИК. Они не виноваты. Я сам...

САЗУРА. Вот и покажешь мне, как ты сам. Для этого и следственный эксперимент. (В окно). Внесите вещи!

Двое парней вносят сундук, третий – телевизор. И сразу выходят.

А сейчас, товарищи, прошу и вас всех выйти. В комнате остаюсь я один. А вы заходите по очереди и показывайте, как

воровали. И не берите меня во внимание. Для вас меня нет. Если бы я был в момент совершения преступления...

ЦИТРУС. Да какое это преступление? По-соседски...

СТРЕЛА. А мне вообще Марья завещала...

САЗУРА. Если бы я был в момент совершения преступления, повторяю, то вы, конечно же, ничего бы не взяли. Ближе к делу. Кто был первым? Первооткрывателем? Ты, Цитрус?

СТРЕЛА. А то я?

ЦИТРУС. Валите всё на меня.

СТРЕЛА. Он по замкам специалист. Я, что ли, взламывала?

ЦИТРУС. Да там такой замок! Как сама Марья. Дряблый был. Только дотронулся, он и рассыпался.

САЗУРА. Разберёмся. Всё, вышли, вышли. И тебя, Цитрус, первого жду.

Все выходят. Заходит, крадачись, Цитрус, высоко поднимает ноги, щёлкнул выключателем.

ЦИТРУС. Да, свет горит. Тогда не горел. Включал.

САЗУРА (сел). Меня нету.

ЦИТРУС (как бы себе под нос). Чтобы и совсем тебя не было, я бы не был против... Я сказал... хорошо помню... Марусе: извини, что решил у тебя кое-что прихватизировать. Зачем тебе? Жила ты одна, твой мужик, Петька, в армии погиб... детишек не успели завести... Сама на тот свет потопала, тебе больше ничего не надо, а всё, что осталось в хатенке твоей,

прахом пойдёт... Разрешаешь, Маруся? Ты слышишь меня или нет? Разрешаешь. Спасибо тебе. Ты всегда была хорошей женщиной. Я, если честно тебе сказать, хотел после тебя корову к рукам прибрать... (*Сазуре*). Я правильно говорю?

САЗУРА. Мне ли знать? Говори так, как говорил, когда воровал.

ЦИТРУС (*почесал за ухом*). Ну разве всё запомнишь с моей памятью? Тем более под мухой был?

САЗУРА (*удивлённо*). Так ты ещё и пьяный был?

ЦИТРУС. А какой бы дурак сюда трезвый полез?

САЗУРА. Та-а-ак... Это усложняет ситуацию. И намного усложняет.

ЦИТРУС. Почему?

САЗУРА. Отягощающие обстоятельства.

ЦИТРУС. Лишь бы что! Переписывайте нанова закон. Ишь, что придумали – отя... отя... пгъфу! Обстоятельства. Тут, наоборот, получается, что воровали вдвоём – я и водка. А почему отвечать должен один? Почему ей, водке, ничего, а всё валите, как и при царе, на бедного мужика?

САЗУРА. Продолжай, продолжай.

ЦИТРУС. Вспомнил! Вспомнил, товарищ участковый! Как соседу признаюсь – трезвый был, ну-у! Как стёклышко! Клянусь!

САЗУРА. Цитрус , такую мать!..

ЦИТРУС. Чего?

САЗУРА. Эксперимент! Следственный! А ты меня за нос водишь, как пацана! Как вон Павлика!

Павлик просунул голову в дверь и исчез.

ЦИТРУС. И зачем мне понадобился тот телевизор? Два же есть! И ни один не глядим -- некогда... чуть до постели добираюсь. Про бабу забыл. Правда, а на кой хрен мне тот телевизор понадобился? Тыфу! Когда я зашёл телевизор воровать... взять... попросить и получить... мне показалось, что Маруся -- живая... стоит перед столом и мне миску с бульбой... дымок прямо вьётся... тянет. Бери, говорит, Цитрус, умни пару бульбенций... Нет, говорю, не за тем пришёл! Показывай телевизор! Не заслоняй! Отойди! И отсунул её... она и ушла. И по сей день... Лучше бы отсовывал её... жила бы может... Хотя вряд ли... сам прикалывал... А потом как жрать захотелось -- ну, невмоготу! И та картошка перед глазами стоит, манит!.. А что такое, товарищ участковый, настроение, такое зов изнутри идёт... я руки только к телевизору, толдько взять его намыслил, а меня кто-то за ухо...

Сазурा ходит, нервничает, курит, мнёт папиросы.

Вас не было. Спрячтесь. Спрячтесь, спрячтесь!

Сазурा спряталася.

И говорит: так тебе чего? Жрать захотелось? Да, говорю, сильно. А он: «А ещё чего?» Кушать. А он: «А ещё?» Лопать, трескать, рубать, уплетать, глотать, поглощать, закусывать, наворачивать, заправляться, шамать, кормиться, питаться, принимать еду -- поэтому её и не хватает...

САЗУРА (*вышел из укрытия*). У меня сегодня на обед, между прочим, кролик тушеный. (*Проглотил слону*).

ЦИТРУС. А у меня суп из кильки.

Пауза.

(*Убитым голосом*). На чём это я остановился?

САЗУРА. Быстрее выноси свой телевизор!

ЦИТРУС. Так он что, мой был?

САЗУРА. Был. Но всего два дня. Потом его снова поставили на то место, где он и стоял. Тебе всё понятно? Или, может, тебе похмелиться надо, чтобы ты соображал малость?

ЦИТРУС (*охотно*). А что, есть?

САЗУРА. Доведёшь, что отвезу в кутузку на пятнадцать суток. Там запоёшь лазаря!

ЦИТРУС. Прости, Марья... это я ей тогда сказал... ты уже больше телевизор смотреть не будешь, поэтому я решил попользоваться им... если невзначай воротишься, то я тебе потом его верну...

САЗУРА (*удивлённо*). Кто... вернётся?

ЦИТРУС. Но мне так говорилось! И вообще, зачем ей на том свете тот чёрно-белый... уже у всех цветные...

САЗУРА. Ей, может, и не надо. Но и ты не имеешь право брать чужое!

ЦИТРУС. Да мы же соседи! Почти родичи... Ситуация такая получилась... Вроде бы и чужое... вроде бы и своё... Но ей на кой там? Она что – жаловалась⁷ Жаловалось? И вообще, кто заявлял на меня? Кому жить надоело?

САЗУРА. Не прикидывайся, Цитрус, безвинной овцой. А может у неё, у Маруси, наследники живут в Америке? Или в Аргентине? Возьмут и предъявят претензии – что тогда? Позор тогда нам всем будет! Позор! Волосы на голове покраснеют от стыда! А? А ты об этом думал?

ЦИТРУС. Когда куриного помёта в самагон Верка добавляет, и мозги, видать, куриными делаются... Недумал быть, всё может быть. Что, говоришь, в Америке?

САЗУРА. А то! Жизнь, сосед, -- вещь сложная! Кто бы мог подумать, что Зинкин Сашка попом станет. А?

ЦИТРУС. Хотя правда. Только сомневаюсь я, что Марьино барахло кого-нибудь из Америки заинтересует.

САЗУРА. Там все жадные, скупердяи, потому и богатые. Не мы, раскидоны. Так что примчаться, коли что, будь уверен.

ЦИТРУС. А что ж тут забирать? Хату разве? Так её тронь только – ветер унесёт. А кто из той Америки знать будет, что было у той Марии? Пускай берут!.. (*Смеётся*). С чёрта два тут возьмут они!..

САЗУРА. Правильно. Если ты пройдёшь со Стрелой.

ЦИТРУС. Может, сосед, по чарке... да и весь твой эксперимент? У меня можно найти, если хорошо поискать. Тебе моя баба даст.

САЗУРА. Это я знаю. Но сегодня ничего, кроме эксперимента. Только он! Мундиром дорожу. Хотя и пенсия в кармане.

ЦИТРУС (*зевает*). Что-то мне спать захотелось. Послушай, а почему здесь, на этом эксперименте, нету нашего колхоза? Корову-то кто забрал?

САЗУРА. Ну, колхоз.

ЦИТРУС. Вот и приводи сюды весь колхоз. Всё село. Знаю, что не поместятся все, а мне какое дело? Эксперимент для всех эксперимент. А то, вишь, Цитруса решили общипать, как петуха, до конца. Всё, давай справедливость! (*Садится*).

САЗУРА. Ну хватит, хватит. Не дурачься, Цитрус.

ЦИТРУС. Как колхозу у Марыи можно, а мне – нет. Х-хэ! Умники! (*Встал, в движении*). И всегда так! А с книжкой что стало? Где мои, что копил? Тыщи где? Государство своровало! Оно! А вот если бы я у государства стырил хотя бы сотню по тем деньгам, меня бы на Марьиных похоронах не было. Факт.

САЗУРА. Я начальник маленький.

ЦИТРУС. Тогда пошёл! Пошёл!.. (*Отталкивает Сазуру, который не даёт ему уйти*).

САЗУРА. Наручники надену!

ЦИТРУС. Только и впрямь обидно... Колхоз, значит, может корову забрать, а я телевизор – нет? Это что, его, колхоза, собственность, корова? Вернуть и её тогда в хлев, если на то пошло. Вернуть!

САЗУРА. Корова – живое существо, её кормить надо. Ну, вернуг. Ты будешь её кормить?

ЦИТРУС. Если поставите в мой хлев – с удовольствием!

САЗУРА. Заладил, от же заладил! Ну колхоз же – один! А вас, голодранцев, сколько? Где на всех коров наберёшься?

ЦИТРУС (*почесал за ухом*). С твоей колокольни вроде бы и правильно.

САЗУРА. Думать надо, думать! Я уже и сам не рад, что с тобой связался. Нет, чтобы кто другой телевизор своровал, так обязательноты.

ЦИТРУС. Когда Марья жила, то сена ей колхоз на корову...вот! (*Ткнул фигу*).

САЗУРА. Опять ты к корове прицепился! Забудь её! Забудь! Она пошла прямым ходом на мясокомбинат.

ЦИТРУС. Хоть бы памятник на те деньги Марии... или что.

САЗУРА. Сегодня на один памятник стадо коров надо. Стадо.

ЦИТРУС (*входит в роль вора*). Пригнулся... ага... хожу и думаю, чтобы прихватить. Телевизор на меня посмотрел. Он давно на меня засматривался, должен сказать. (*Погладил телевизор*). Хороший мой, шельма. Мой! Он – мой! (*Взял простыню, замотал в неё телевизор, взвалил на плечо*). Порядок! Не обижайся, Марья. Пусть будет у меня три. Бог тройцу любит. Стол на одной ножке не стоит. (*Выключил лампочку*). Надо было бы и лампочку прихватить. Не забыть бы. (*Выходит*).

САЗУРА (*включил свет*). Принято! Принято, Цитрус! Ты куда? Вернись!

ЦИТРУС. А куда теперь его? После эксперимента?

САЗУРА. Поставь туда, где стоял.

ЦИТРУС (*поставил телевизор*). Можно подумать, что нам всем от этого легче станет. Прямо петь захочется. Особенно обрадуется Маруся, что её телевизор сыскался.

САЗУРА. Порядок такой. Закон. Кодекс. И ты потом приходил ещё несколько раз? Забрал топор, лопату, гвозди?

ЦИТРУС. Честно?

САЗУРА. В обязательном порядке.

ЦИТРУС. Хотел, но не успел. Запил. Поэтому не смог. А так забрал бы. Хорошо, что запил. А то пришлось бы показывать, как топор тот из-под печи доставал, как лопату полдня искал. Тьфу! Какой дурак придумал этот эксперимент?

САЗУРА. Так запил или врёшь?

ЦИТРУС. Не верит! Он не верит! Это на работе я говорил, что болел все три дня, а тебе говорю, что запил. Разве же я в школу не ходил и не знаю, кому что говорить? Я свободен?

САЗУРА. Надо будет – зайду.

ЦИТРУС. Да я на улице побуду. Поголкаюсь уже в роли любопытного. Что, запускать Стрелу? (*Выходит*).

САЗУРА. Давай.

Влетает Стрела. Но её опережает Павлик.

СТРЕЛА. Куда? Куда лезешь, проныра? Я всё же старше, как никак.

ПАВЛИК. А куда тебе торопиться? Туда, где тётка Марья, -- успеешь.

СТРЕЛА (*врезала Павлику по затылку*). Ах ты, недоросль!

ПАВЛИК (*Сазуре*). Чего она?

СТРЕЛА. Ещё и оскорбляет, при участковым. При милиции.

ПАВЛИК. Мне к хлопцам надо.

САЗУРА. Подождут твои хлопцы. Мак на чердаке брал?

ПАВЛИК (*недовольно*). Ну а где?

СТРЕЛА. Курец!

ПАВЛИК. (*показал Стреле язык, сделал резкий выпад в сторону Стрелы*). Ха!

СТРЕЛА (*испугавшись*). Ой! Ты чего? Ты чего?

САЗУРА (*смеётся*). Так что, Павлик, придётся наш эксперимент переносить на чердак.

ПАВЛИК. Да чего уж? Пойду, а?

САЗУРА. Нет, Павлуша, мачок любишь... так будь добр подчиниться мне... милиции-и!

ПАВЛИК. Там и мака того было!..

САЗУРА. Все, все! Жди меня.

Павлик недовольно выходит, успев показать Стреле язык.

СТРЕЛА (*махнула на Павлика рукой*). Ступай, ступай, антихрист! И что, из него человек выйдет?

САЗУРА. Будем растить. А сейчас твоя очередь, Стрела. Извини. Клавдия Петровна Стрельникова. Делай всё так, как делала, когда воровала сундук. Тютелька в тютельку.

СТРЕЛА (*робко*). Мне, между прочим, Марья завещала сундук. Это надо учесть.

САЗУРА. Документ есть?

СТРЕЛА. Да кто ж думал, что она так быстро окочурится?

САЗУРА. Нету. Ну вот, видишь? Тому поверить трудно. Да хотя бы и поверил, толку-то что? Слово к делу не пришёл. Так и Цитрус вон мог сказать: мне она телевизор завещала. И каждый! Да-да! И каждый!

СТРЕЛА. Когда ж сильно мне сундук понравился. Роскошный. Крышка хорошенъкая, плотная. А то в шкаф моль лезет, попортила всё лучшее, что осталось. Всю жизнь я завидовала на этот сундук. И когда Марья померла, так обрадовалась, так обрадовалась!..

САЗУРА (*раскрыв от услышанного рот*). Вы были рады, когда Марья померла?

СТРЕЛА. Я не смерти обрадовалась – сундуку.

САЗУРА (*проглотил таблетку*). Дальше, дальше. Я уже представил вас в тот момент...

СТРЕЛА. Как только Марья померла, я и место подготовила под сундук... сразу... первым делом. Подмела. Подмыла. В уголочке. Под божницей. Скатерть подготовила.

САЗУРА. Тогда покажите, как это вы делали.

Стрела выходит и заходит. Начинает быстро ходить по комнате.

СТРЕЛА. Что бы ещё прихватить? Ага! Это у меня есть! Это тоже. Этого два... Нет, только сундук! Я баба честная! Мне много не надо! Домой его, сундучок родненъкий! (*Пробует поднять, но не может. Она и так его, и этак – не получается*).

Сазура смеётся.

Што ж это? Почему ж? Как это понять? (*Оставила сундук в покое*). Люди! Я же тогда схватила его, как мешок бульбы, и попёрла. А сейчас не смогла.

САЗУРА. Хитришь, Клавдия Петровна. Кто с тобой ещё был?

СТРЕЛА. Никого. Я же сказала. Сама взяла и понесла.

САЗУРА. Бери-неси. Бери, бери!

СТРЕЛА. А сегодня не получается. Не могу поднять, с места сдвинуть. Вы ж видели... Чудеса какие-то!

САЗУРА. Чудес на свете, Клавдия Петровна, не бывает.

СТРЕЛА. Адам Карпович! Вы что, мне не верите? Сама понесла! Сама! И что это со мной? Ой! (*Схватилась за бок, скрючилась*).

Спасите... За Марьей... за Марьей иду... кажется... Я ещё живая, Адам Карпович?

САЗУРА. Нет. Ты уже – там! (*Ткнул пальцем в землю*).

СТРЕЛА. Шутите? Ой! (*Пощатнулась и упала*).

САЗУРА. И впрямь помрёт... Будет тогда мне за этот эксперимент нагоняй. (*Суетится*). Воды... Воды... (*Кричит*). Цитрус!

ЦИТРУС (*появившись*). Чего, сосед? (*Увидев Стрелу, перекрестился*). Вот тебе и сундук пригодился... из четырёх досок.

САЗУРА (*вскочил*). Воды! Видишь?

СТРЕЛА (*быстро вскочив*). Так что, если бы я, к примеру, а, товарищ участковый, померла во время этого эксперимента, то тебе был бы нагоняй? (*Цитрусу*). Воды не надо. (*Сазуре*). А чего ж ты, участковый, молчишь? Самовольствовал?

ЦИТРУС. Во дает, а!

САЗУРА. Закурить... у кого... есть?

Незаметно для всех на пороге появляется Племянник.

ПЛЕМЯННИК. У меня есть. (*Подходит к Сазуре, угощает сигаретой*).

САЗУРА (*вернул сигарету назад*). Прости.. Я мало курю. Есть свои. Как-то так слова вырвались... не то. Бывает.

ПЛЕМЯННИК (*засунул сигарету назад в пачку*). Пригодится. Здравствуйте!... С этого надо бы начинать...

СТРЕЛА. Ходят тут всякие!..

ЦИТРУС. Здорово!

САЗУРА. Не из наших будешь?

ЦИТРУС. Наши не курят!

ПЛЕМЯННИК. Из наших. Только вот кое-кто встречает недружелюбно. Кажется, я плохого ничего не сделал.

СТРЕЛА. И хорошего тоже....

ПЛЕМЯННИК. Ладно. Прощаю.

ЦИТРУС. Принимается.

СТРЕЛА. А вот на кого-то похож, а на кого – не вспомню...
(Рассматривает Племянника). Погоди, погоди!..

ПЛЕМЯННИК. Вы, я вижу, соседи... друзья моей тетки Марьи... Я ее племянник... .

САЗУРА. Что ж, будь как гость...

ПЛЕМЯННИК. Гостем? В доме тетки?

СТРЕЛА. А тетки, к твоему сведению, шалапут, уже нету.

ЦИТРУС. Померла, померла Марья.

ПЛЕМЯННИК. Нам передали...

САЗУРА. И мне интересно стало. Ну,ну. Кому это – нам?

СТРЕЛА. Отвечай!

ПЛЕМЯННИК. Отцу. Матери. Мне. Мы в Заболотье живем.

ЦИТРУС. Фу-у, так это ж рядом! А я уже испугался, что из Америки будешь. Капиталист. Наследник, думал. Слава господи! (*Перекрестился*). А что ж я тебя, землячек, первый раз вижу, а? Сейчас, сейчас я вспомню, кто это... Его батька – Марьин брат... меньшой. Жорик, кажется?

ПЛЕМЯННИК. Правильно. Он.

СТРЕЛА. Они не дружили. Черная кошка между ними пробежала.

ПЛЕМЯННИК. Что-то не заладилось... Приехал вот посмотреть, что тут после тетки осталось.

СТРЕЛА. Сначала спросил бы, как тетка померла, легко ли... трудно... кто гроб мастерил... яму копал...

ПЛЕМЯННИК. А что интересного в этом? Зачем спрашивать? На лавке лежать не будет.

СТРЕЛА. Ай-яй-яй-яй!

ЦИТРУС. Чего ты «айкаешь?» Это наш завтрашний день... Слетятся то ж, как мухи на мед... Стоит только обмолвиться – из всех утюгов повыползают...

ПЛЕМЯННИК. Вы как хотите... можете меня осуждать, корить, унижать... но я должен посмотреть, что здесь осталось. Последние наследники – мы! (*Знакомится с тем, что осталось в доме*). Себе в общежитие я телевизор возьму...

ЦИТРУС (*плюнул*). Провел, дурак, эксперимент!

СТРЕЛА (*Племяннику*). Может, тебе и сундук приглянулся?

ПЛЕМЯННИК. Этот?

СТРЕЛА. А больше здесь сундуков нету.

ПЛЕМЯННИК. А чего? Крепкий. Старикам сгодится.

СТРЕЛА (*села на сундук*). Только со мной! Не сойду! Адам Карпович, дай наган! (*Протянула руку*).

ПЛЕМЯННИК (*достал из кармана замок*). Можешь, тетка, не сторожить. Я замок прихватил.

САЗУРА. Знаешь, парень, бери свой замок и дуй, дуй отседова!. А где вы были со своими папами и мамами, когда вот эти люди (*показал на Цитруса и Стрелу*) твоей беспомощной... полуслепой тетке и огород обрабатывали, и корову пасли, и дрова заготовляли, чтобы зимой на печке не замерзла? Где?

ЦИТРУС. Где, у тебя спрашивают? Она, между прочим, померла, а мне должна осталась... бутылку. За дрова. Может, ты отдашь?

ПЛЕМЯННИК. Чего вы мне здесь мораль читаете? Мы – единственные наследники! Мы! И точка! Завтра пригоню машину – и будь здоров, Искань! Так, кажется, деревня называется? Захочу и дом перевезу. Не укажете. А чего, и перевезем. На дрова сгодится...

ЦИТРУС. Падла ты, падла!... Скажи спасибо, что я уже унес... пометь, участковый... кочергу... а то я бы тебя отходил, что и мать родная не узнала бы. Вон!

САЗУРА. Он правильно говорит.

ПЛЕМЯННИК. Не пойду. Подвинься, тетка! (*Сел рядом со Стрелой*).

СТРЕЛА. А еще культурный человек. Одеколоном городским пахнешь...

САЗУРА. Цитрус! Клавдия Петровна! Я видел, как вы жили рядом с Марьей... как родные жили. Часто видел вас на ее огороде... когда болела, то приходили... ухаживали... лекарства приносили... Мишка вот гроб сделал из своих досок... Поэтому берите все, что понравится вам. Ну, разжалуют... снимут... пенсион у меня есть... так что не страшно. Берите!

ПЛЕМЯНИК (*соскочил, нервно и суетливо*). Уходите! Не дам! Очистите дом, я сказал!

САЗУРА. Ну, чего стоите?

Цитрус взял телевизор, Стрела -- сундук.

СТРЕЛА. Подняла! Подняла!

ЦИТРУС. Это потому, что домой прешь!

ПЛЕМЯНИК (*встречает Цитруса и Стрелу в пороге, преградил дорогу*). Куда-а? Не пущу-у-у!

ГОЛОС ТЕТКИ МАРЬИ. Пропусти их, племянник... Пропусти...

Все поворачиваются к портрету Марьи, который висит на стене.

Затемнение.

Недоразумение второе. **ДУРНАЯ БАБА.**

ДЕЙСТВУЮТ:

ТИМ ЧИХА

КОЛЬКА

БОМ Ж

ГОЛОС НАЧАЛЬНИКА

Действие первое

Наши дни

Центральная площадь в райгородке.

Памятник В. И. Ленину.

Тимчиха подметает площадь.

ТИМ ЧИХА (подняла голову на памятник, говорит раздраженно, откровенно). Жрать хочу, Ильич. Нету силы больше метлу таскать. В глазах темно -- как ночью. Что, не веришь? А ты верь, верь, родимый. Сегодня что это я проглотила? Сухарь погрызла. Прошлогодний, видать. От соленого огурцах нутрях чешется... Зуд какой-то. Мету, мету, мету... Да ты же знаешь, чего мне тебе говорить-то? Третий месяц при должности состою, а за какие шиши? Тебе, Ильич, хорошо стоять -- жрать не хочешь. Каменный. Крепкий. А я -- живая... И сухая, видишь? А все тощие, все доходяги -- хорошие грызуны.

Гул машины.

Во, во... начальник мой подъехал. На иностранном тарантасе. Надо ворошить метлой. (*Метет более энергично*). А то отнимет. Он злющий. Только бы не упасть перед ним... только бы не оплошать... а то стыдобра будет... Да и перед тобой, Ильич, возьмет да расположится баба... распластается, как корова на льду, чего хорошего... и будет лежать, как неживая. Стыда не оберешься. Ко мне, ко мне идет начальник... в мою сторону чешет. Видишь? С папкой. Это он. Что-то, видать, сказать надумал. Может жалованье пообещает?

ГОЛОС НАЧАЛЬНИКА. Видите?

ТИМ ЧИХА (*вытянулась по стойке «смирно», задрала голову*). Что? Где? (*Её немножко повело, стало плохо, и всё вокруг, в том числе и голова Ленина пошатнулось, женщина не могла больше ничего сказать, она обхватила руками метлу за черенок и часто кивала: вижу, вижу, вижу...*)

ГОЛОС НАЧАЛЬНИКА. Кучу видите?

ТИМ ЧИХА. В... в...вижу.

ГОЛОС НАЧАЛЬНИКА. На голове у Ленина. Убрать!

ТИМ ЧИХА. Так она же... давно там... куча... и до меня лежала. Принимала с кучей... Старая куча...

ГОЛОС НАЧАЛЬНИКА. Будьте добры, отрабатывайте деньги. Это ваша обязанность. Чтобы не было!

ТИМ ЧИХА. Хорошо... Хорошо...

Гул автомашины.

Уехал. Уехал. А про жалованье – ни слова... (*Подняла взгляд на Ленина*). Слыхал? Приказал твою плешь помыть. А как я взберусь? Просто сказать .Ты же высоко, под самым небом. А я тут, на земле, как букашка какая. Лестницу надо где-то брать. А голубям тем дырки не заткнёшь. Да и вороны мимо не пронесут, падлы. И метят же, холеры, аккурат на голову. Туалет нашли. Пойду лестницу искать. Потерпи. Больше терпел, Ильич. Смою. Птичье дермо легко смыть, но тебя же, Ильич, и люди обляпали всего... с ног до головы. Ты весь в дерме. Вот то, людское, тряпкой-то не сотрёшь... не сотрешь, Ильич, тряпкой.. (*Поставила метлу к памятнику*). За лестницей. (*Исчезает*).

Появляется Бомж.

БОМЖ. А куда это баба запропастилась? Метла на месте, на посту. А у неё, похоже, тоже не будет. Метлой-то нешибко наметёшь... (*Махнул рукой, исчезает*).

Появляется Тимчиха.

ТИМЧИХА (*подняв голову на Ленина*). Нету лестницы. Нету. Стой пока так. Были бы деньги у меня, то вопрос решился бы сам собой – поставила бы бутылочку местным бомжам, их здесь море, они за водку тебя помыли бы всего, не то что бы !.. А без денег не возьмутся. Хотя и должны бы так, бесплатно, ты же им ничего плохого не сделал. Было хорошо, когда тебе верили, когда ты вечно жил... Пили и ели . «Долой революцию!» Слыхал, Ильич? Дураки и кричат. Когда бы не было ее,, революции, кто бы из вас, горлопанов, жил-был сегодня? Другие бы... совсем другие люди жили, а этих, надо полагать, и близко не было. Все шли бы по другой дороге, как бы встретились? Таких, Ильич, ты сам и наплодил. Твои! А они, вишь, тебя за это как благодарят? Хотя чего уж тут удивляться – отца родного, бывает, сын

порешит, или мать... Всего обляпали. Ели... пили. А когда началась перестройка эта, каждый начал на себя одеяло натягивать, кто пошустрее да понахрапистей, тот и укрылся... они с нас постаскивали, одеяла те... и заблестели никак все голыми половинками... На всех углах кричат... агитируют... А я и подрастерялась – не смогла пришиться к кому-нибудь. Одна осталось. Без партии. С метлой. Послушаешь президента – он вроде бы правду говорит, изредка когда неформал какой прорвётся в радио – этот на свою сторону перетягивает... Так и мету – туда-сюда, сюда-туда... Слаба я, слаба... Совсем запуталась в этой жизни. Лучше бы никого не служить. Лучше бы жить где на хуторе, иметь здорового и непьющего мужика, свой надел земли приличный... свои жернова... и ни радио, и ни телевизора... А чего ж это я? Можно подумать, что у меня и радио есть, и телевизор... Нету. Пусть, пусть сами решают политики, как нам, простому люду, жить лучше. Ты, Ильич, им не подскажешь – не послушаются, хотя бы подсказал. Дышать то вольно. Дышите! Дышите!.. Но и есть же хочется. Иной раз – сильно. Как вот сегодня. Пойду... наберусь смелости, пойду картошки попрошу в магазине. Под запись. На вексель. Словом – какое придумали... Хулиганы! До зарплаты. Может, картошки и дадут. Невелика же ценность, а без неё – никак. И щепотку соли вымоляю. Не водку же буду просить. Должны понять, проникнуться должны. Свои же люди. Славяне. Чужих кормили когда-то. Неужели своей пожалеют? Хотя не то время, что раньше было. Не то. Могут и фигу ткнуть под нос.

Появляется Бомж.

БОМЖ. Что, Ленину жалуешься?

ТИМЧИХА. Ему.

БОМ Ж. Напрасно. Кто тебя, как и меня, услышит? Порожнее дело.

ТИМ ЧИХА (резко). Пить меньше надо! Пить! А то пораспивались!(Замахнулась на Бомжа метлой). Засорили всю землю собой!

БОМ Ж (увернувшись). Когда пьёшь, тогда не так жратъ хочется. А жратва сегодня дорогая. Выгоднее пить. Хохляцкую. Послухай, баба. Как тебя звать-то? А?

ТИМ ЧИХА. Никак. Я замужем.

БОМ Ж. А-а-а!.. А я хотел сказать: давай вместе жить будем?

ТИМ ЧИХА (охотно). Давай.

БОМ Ж. А ты сговорчивая. Люблю таких баб. Давай или ко мне или к тебе. Я наблюдал за тобой. Давно. Не решался подойти. Метлы твоей побаивался. Отвадишь, думал. А ты - добрая...

ТИМ ЧИХА. А у тебя что есть?

БОМ Ж. Дом. Полностью. И кровать. И на ней всё. Только без белья. Но одеяло есть.

ТИМ ЧИХА. А жратъ?

БОМ Ж. Этого нету.

ТИМ ЧИХА. Тогда живи один. Мне мужик не нужен для утеш. Особенно такой, как ты. Дрожишь весь - как бурболка в луже... Морда - что печёное яблоко. Подыхать сюда приехал или как?..

БОМ Ж. Так что, расходимся, значит?

ТИМ ЧИХА. Давай, давай, выметайся! (Замахнулась метлой). Кому говорят?! (Вдруг задержала метлу в воздухе). А ты, жених, лестницу для меня не можешь раздобыть?

БОМ Ж. Могу. Лестницу - не бутылку. Зачем тебе?

Тимчиха показала метлой на грязную голову Ленина.

Бомж засмеялся.

У меня есть. Только сам не полезу - боюсь, что не взберусь. Шестой месяц пью. Как и приехал сюда. Каждый день.

ТИМ ЧИХА. Неси. Я сама.

БОМ Ж. Жди. (Задрал голову на Ленина). Глянь, ворона! (Снял башмак, запустил в птицу). Падла, а!.. Успела, видать... (Исчезает, на ходу засовывая ногу в башмак).

ТИМ ЧИХА (метёт). Вот оботру Ленина и пойду в магазин просить картошки. А в мае посажу свою. Пусть растёт. На жалованье надежды нету. Могут дать - могут не дать. Как вздумается им. А картошка и есть картошка. Второй хлеб. Ты слушаешь меня, Ильич? Видал, бомж в кавалеры набивается. Да я от своего такого сбежала... и квартиру ему двухкомнатную оставила... Убить мог... А мне ещё пожить хочется... Глянуть хочется, как он отам дальше будет...

Гул автомашины.

Приехал. Шеф мой. Идёт... сюда... (Засуетилась). Что ж будет, а? Что ж будет? Куда бы метлу... куда бы метлу спрятать? А то отнимет. Злой идёт. (Вытянулась в струнку).

ГОЛОС НАЧАЛЬНИКА. Так в чём дело?

ТИМ ЧИХА. Пошёл за лестницей.

ГОЛОС НАЧАЛЬНИКА. Кто?

ТИМ ЧИХА. Бомж.

ГОЛОС НАЧАЛЬНИКА. Вы придуматель ещё глупее ничего не могли? Какой бомж? Я же вам сказал. Это же Ленин!

ТИМ ЧИХА. Вижу... ага. Ленин это. Ильич. Вождь.

ГОЛОС НАЧАЛЬНИКА. Пишите заявление.

ТИМ ЧИХА. Я писать не умею.

ГОЛОС НАЧАЛЬНИКА. Тогда должны компенсировать это хорошим подметанием. Лучше, лучше должны мести!

ТИМ ЧИХА. Стараюсь.

ГОЛОС НАЧАЛЬНИКА. Ещё будут замечания, и заявление за вас напишут люди, которые умеют писать. Вы всё поняли?

Шум отъехавшей автомашины.

ТИМ ЧИХА (сорвавшись на истошный крик). Всё-ё-ё-ё-ё! (После паузы). А если и впрямь выгонят, куда я подамся? Ниже моей работы не бывает... Ниже метлы - могила... (Перекрестилась). Боже упаси! Боже!..

Появляется Колька, муж Тимчихи.

(Испуганно). Ты?

КОЛЬКА. Ослепла?

ТИМ ЧИХА. Нашёл... нашёл и здесь. Ты меня когда-нибудь оставишь в покое, пьянь?

КОЛЬКА. Дак... за тобой приехал, Зинуля. Холодно одному в двухкомнатной квартире, понимаешь!

ТИМ ЧИХА. Бабу приведи. Женись, Колька. А меня не тронь! Не тронь меня! У меня метла - череп проломлю! Вишь? Метла! (*Трясёт перед Колькой метлой*).

КОЛЬКА. Ты чего... совсем одичала здесь?

ТИМ ЧИХА. Бил? Бил, спрашиваю?

Колька виновато кивает, разводит руками: было.

Пил?

Та же реакция.

Изменял?

КОЛЬКА. По пьянке только.

ТИМ ЧИХА. А пил ты каждый день. Так чего ж тебе, оторвос, надо? Чего, спрашиваю, тебе от меня необходимо? Молчишь, козёл? А ты скажи что-нибудь... такое скажи, чтобы я разломала эту метлу на четыре части и помчалась, сломя голову, за тобой. Скажи!

КОЛЬКА. Так не умею... красиво.

ТИМ ЧИХА. Тогда не поеду. С теми, которые ни бельмеса не умеют, я и здесь могу... Сейчас ко мне один любовничек придёт.

КОЛЬКА. Изменяешь, значит?

ТИМ ЧИХА. А чё ж я... не баба? Ты-то наизменялся! А мне что, запретишь? (*Энергично подметает*). Али в утиль меня списал? (*Кольке*). Кыш! Кыш, сказала!

КОЛЬКА (*посторонился*). У сынишки был. Оне хорошо живут.

ТИМ ЧИХА. Кто ж теперь хорошо живёт?

КОЛЬКА. Если среди бедных... то хорошо.

ТИМ ЧИХА. Привет передавай. От мамки. И поклон невестке, чтоб она сдохла!

КОЛЬКА. Вместе передадим. За тобой ведь приехал.

ТИМ ЧИХА. Нет уж, Колька. Шали без меня и дальше. Мне, может, на этой одинокой площади с Ильичем половчее, чем с тобой. С ним хотя поговорить можно. Посоветоваться. За жизнь. А ты пьянь непробудная!

КОЛЬКА. Ну хватит, хватит меня грязью-то!

ТИМ ЧИХА. А чем же ещё тебя? Золотом осыпать, ангелочек мой? (*Натянула Кольке кепку на глаза*). И за что такая несправедливость на свете? Его, Ильича, и птицы, и люди дерымом-то... а этот чистенький. Хоть одному бы плюхнула на макушку. Что вот ты сделал на своем веку хорошего?

КОЛЬКА. Так... сына, вроде?

ТИМ ЧИХА. Если бы от тебя был сын, он был бы такой пьяница, как и ты.

КОЛЬКА (строго). Прекрати-и! (Помягче). Шутить-то...

Крик ворон.

ТИМ ЧИХА. Распугал всех ворон. Гони их проклятых! Гони! (Машет на ворон метлой). А ту! А ту!..

КОЛЬКА. За тобой приехал.

ТИМ ЧИХА. А где то, на чём ты приехал?

КОЛЬКА. Серьёзно говорю. И тебе советую посерьёзнее, понимаешь!..

ТИМ ЧИХА (подметает, наступая с метлой на Кольку). Я тебя сюда не звала. А прёт водкой! Фу-у! Это - раз. Каждая баба имеет на то право - жить с мужиком или нет. Я что, не баба?

КОЛЬКА (с мольбой). Зинуля!

ТИМ ЧИХА. Ты ещё и здесь меня, может, искошотишь? На площади? Перед властью? Перед Лениным?

КОЛЬКА. Ленина уже всерьёз не принимают. Похоронили Ленина.

ТИМ ЧИХА. А тебе-то Ленин чего плохого сделал?

КОЛЬКА. Собирайся, понимаешь!..

ТИМ ЧИХА. Или ты исчезнешь с моих глаз, или я за себя не ручаюсь.

КОЛЬКА. Какой стервой ты была, такой и осталась. Дай денег.

ТИМ ЧИХА. Я так и знала, что приехал за мной, чтобы увезти к себе и доить, доить, доить... Но учти, дружок: на колхозных фермах буренки и те до поры до времени доятся.

КОЛЬКА (*нервно*). Дай денег!

ТИМ ЧИХА. Сколько?

КОЛЬКА. На дорогу.

ТИМ ЧИХА. Дала бы. С удовольствием на дорогу дала бы, чтобы больше тебя не видеть, но жалованье господа начальники задерживают. Уразумел? Так что извольте откланяться! (*Вдруг начинает колотить Кольку метлой*). Пошёл вон! Пошёл! Пошёл! Кровопийца-а-а! (*Колька сбежал. Рыдает*). Господи, ты есть или нет? Если есть, то огради меня от тех, кто знает только одно: дай... дай... дай... Надоело-о! Давать всем надоело-о! Всем и за всё! Мужу... детям... соседу... старшему... младшему... а сейчас и Бомж припрётся с лестницей и начнёт просить... Огради! Огради, родимый!

Появляется Бомж с лестницей.

БОМ Ж. Куда её?

ТИМ ЧИХА. К памятнику. Со спины пристрой. Спина тоже вся в подтёках... в серо-белых... (*Берёт тряпку, ведро с водой*). Полезу. Хорошо держи только, чтобы не упала. Полезу, если ты боязливый такой.

БОМ Ж. Трясёт. Качка.

ТИМ ЧИХА. Держи же! (*Лезет по лестнице*).

БОМЖ. Д... держу. Вниз только меньше смотри. Ни черта хорошего здесь внизу нету.

ТИМЧИХА. Не каркай под руку. Хватит, что вороньё тут накаркало. Держи шель?

БОМЖ. А то как же! В следующий раз, когда будешь лазить по лестницам, шаровары какие одевай...

ТИМЧИХА. А ты не подглядывай. Опусти, опусти голову. Вот так. Тогда и шаровары не пригодятся. Расшароваришься тут с моей метлой.

Появляется Колька.

КОЛЬКА (*подбегает к Бомжу*). Ты кто такой? Ты куда её отправил? (*Отрывает Бомжу от лестницы*). Моя баба! Законная! Моя, понимаешь!..

БОМЖ. Уроним!

КОЛЬКА. Она живучая! Уйди, говорю! Спинь!

ТИМЧИХА. Вы чего это меня трясёте? Всю воду расплещете, негодяи! Колька, уберись от лестницы!

КОЛЬКА (*задрав голову*). Это этот, лохматый, хахаль твой?

ТИМЧИХА. А ты пощупай, у него что есть или всё пропил?

КОЛЬКА. Морда есть - мне и этого достаточно. (*Бьёт Бомжу по лицу, тот падает. Падает и лестница*). А где Зинуля? Зинуля, ты где? Где Зинуля? За голову Ленина держится. Держись, Зинуля! Держись! (*Суетится*).

БОМЖ (*встает, отряхивается*). Пораспускали руки. Все лупят, кому не лень. Шваль! Ну, милиция - так это я понимаю: мужикам хоть деньги платят..

ТИМЧИХА. Лестницу поставьте быстрее! Лестницу! Я падаю! Голова отрывается!..

КОЛЬКА. Сейчас, сейчас. (*Ставит*).

ТИМЧИХА (*истоиный крик*). А-а-а-а-а-а-а!

Сышино, как где-то упала Тимчиха.

БОМЖ. Ты убил! (*Бегает вокруг памятника*). Ты убил! Ты! Ты!..

КОЛЬКА. "Скорую" зови! Где тут у вас "скорая"?

БОМЖ. А хрен её знает! Я не виноват! Я не виноват!.. (*Исчезает*).

КОЛЬКА. Одного оставил, падла!..

Шум автомашины.

ГОЛОС НАЧАЛЬНИКА. Что здесь произошло?

КОЛЬКА (*растерянно*). Свалилась... с головы Ленина... и не дышит... наверно... боюсь послушать... Оттуда... и вниз... шлёт!..

ГОЛОС НАЧАЛЬНИКА. Дурная баба. Зачем лезла? Кто посыпал? Разве же здесь, на земле, нечего мыть, подметать? Так нет же - полезла... и вот он , результат...

Шум автомашины.

КОЛЬКА. Кто ж её-то хоронить будет? У меня же ни копейки за душой... ни гроша у меня... (*Взял метлу, почему-то метёт*). Я, между прочим, её тоже туда не посыпал... Не посыпал... Не посыпал...

Сирена "скорой помощи".

Затемнение.

Недоразумение третье. **ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К СОБАКЕ**

ДЕЙСТВУЮТ:

ЮРА.

Наши дни. Место действия – скромная комната в городской квартире, где есть стол, диван, телевизор, телефон и большая плюшевая собака. На стене – портрет матери Юры.

Осторожный стук в дверь. Стук периодически повторяется, паузы между ним сокращаются.

ГОЛОС ЮРЫ. Ма-ма! Открой, ма-ма!.. Ма-ма!.. Ма-ма!..

И вдруг невидимый пока Юра начинает остервенело стучать в дверь, и вскоре он вместе с дверью влетает в комнату.

ЮРА. Дома! Я... дома? Или... где? (*Встает*). Что, больше нету СИЗО? Нету? Нету? Я там, значит, больше не живу? Хотя какая же там, в СИЗО, жизнь? А? (*Ходит по комнате, заложив руки за спину – как в тесной камере, откуда только что вернулся*). Наша квартира, кажется. Наша-а-а! А мама? Где... мама? (*Ласково и нежно погладил лицо матери на портрете*). Вот я и дома, мама. Прости... дверь выломал... домой очень хотелось... а ключа у меня нету... (*Ставит дверь на прежнее место*). К соседям звонил... тебя искал... никто не отвечает... везде закрыто... Не открывают... А сами в глазок смотрят... меня видят – и пугаются... не открывают... (*Ходит по комнате, заложив руки за спину*). Как же – Юра-зэк явился! Он сейчас, люди, очень опасный человек, он – людоед. Он пострашнее, чем

атомная бомба. Чем Чернобыль. Сейчас мной, видать, будут детей пугать... вон, вон он идет, чудовище, грабитель, разбойник. Прячтесь. Не показывайтесь. Заберет и будет кормить соломой. Нет, не заберет. Извините. У него, видите ли, мешка с собой нету. А в карманах – оружие: в карманах, мелюзга, и без вас всё занято. (*Посмотрел через окно на улицу*). Люди ходят. Машины ездят. Птицы поют. Ну, что делать будем, Юрка? (*В движении*). Кто нас где дожидается? И мамы нету. Может, в магазин ушла? (*Замечает на столе письмо, разрывает конверт, читает*). «Милый, любимый, если бы ты знал, как трудно мне после твоего отъезда, как скучно, одиноко... Сегодня ты – далеко, нас разделяют километры, но что значит расстояние, когда сердце полыхает невидимым пламенем, жаждет любви, надежды, веры. Ты – рядом, близко... И не сдержать всех чувств, которые охватили меня. Кажется, протяну руку – и снова обниму тебя. Закрою глаза – и ты стоишь передо мной, и я слышу твоё дыхание, такое тёплое и ласковое, до боли знакомое. И тогда хочется сказать полуслепотом – тихо, чтобы это слово услышал только один ты: «Люблю!»

Сердце моё для тебя – настежь. Ты это знаешь. Ты зашёл. Надолго. Если не на всю жизнь.

На земле всегда светит солнце, и оно будет светить, пока есть ты.

Мне всегда будет не хватать тебя.

Приходи почаше в мои сны и думы, будь там хозяином и самым желанным человеком!

...А где-то в голубизне неба поёт птичка – маленький комочек. Она поёт для нас с тобой. Наверно, про любовь, про

чистоту чувств. Я прислушалась... И вдруг это птичье пение превратилось в твой голос: «Люблю... люблю... люблю...» Твой голос и сейчас звенит в моих ушах, а губы шепчут: «И я... и я... тебя люблю. Крепко. Как никого и никогда другого.»

Прости, может слишком искренни получилось у меня письмо к тебе. Но это не я писала, а влюблённая девушка... Влюблённым можно всё. Им только нельзя запретить говорить слово: «Люблю.»

Я его и говорю тебе, Юрочка: «Люб-лю!» Сегодня я другого слова не знаю... Прости, если что не так. Ирина.»

«Прости, если что не так.» А что тебе, Ирина, простить, когда всё так? (*Глубоко вздохнул*). Это ты мне прости. «После отъезда.» Да близко я был, близко-о! На Книжной. Есть, такая улица у нас. В центре города. И дом там – длинный, серый и тёмный. С маленькими окошечками под поголоком. Туда всех, кто попался, отвозят и закрывают. Понятно теперь, чудачка, в каком отъезде я был? А ты и в самом деле поверила, что уехал в гости к брату на Урал. Да нет. Я, Ирина, совершил преступление. Семь месяцев дядьки и тётки разбирались, что к чему, а потом выпустили... Суд оправдал... посчитал суд, что нету моей вины... чист, получается... ангел... А зачем же меня... да-да, а зачем же меня семь месяцев в СИЗО держали? Неужели нельзя было раньше разобраться, виновен я или нет? Я же и говорил: нету, нету моей вины! Но кто меня, зэка, послушает? Я же семь месяцев не был человеком. Кем хочешь был... любой скотиной, только не человеком... Я вот думаю: а если бы следователя... или из суда кого хотя раз посадить на семь месяцев в СИЗО, в мою шкуру... чтобы почувствовали, каково там. Пусть бы попробовали. Ездят же на курсы повышения квалификации. Вот там – курсы... Для работы пригодилось бы. Только бы,

может, побыстрее разобрались, кто прав, кто виноват... тогда бы и топливо было для автомашин... тогда бы и охраны хватало...

Звонок телефона. Юра потянулся к телефону, но... испугался его. Потом всё же взял трубку, осторожно поднёс её к уху.

(В трубку). Слушаю. Говорите же удивительно, положили трубку. Что это... розыгрыш? Кто бы мог? Ирина? Но она бы не молчала. Какой смысл ей молчать? Удивительно. Приведу себя в порядок – и к ней. Вот будет сюрприз! *(Вдруг).* А что... а что если совсем не подходить к телефону? Идея! Жил же семь месяцев без него – и ничего, выдержал. Все новости старые газеты приносили... и новые иногда... А когда дождь за окном... или снег – тогда нас с большой радостью на прогулку выводили. И почему-то так получалось, что обязательно дождь лупил... вроде бы помыть нас хотел. Грязь всю смыть. А вши... клопы разные – тех нет, тех дождем не возьмёшь. *(В движении).* Одежду... смешно сказать... мыли в целлофановых пакетах... сорочку или брюки в целлофан, немного воды туда, кусочек мыла – и болтай... что-то будет...

Звонок телефона.

О! Снова! Я же слово дал... Так и быть, последний раз возьму. Если снова рот на замок – выдерну шнур. *(Берёт трубку).* Он слушает. Слышит, говорю, он! Да говорите же! Говорите-е-е! *(Выдернул шнур).* Они что – и здесь, дома, издеваться надо мной вздумали?! Хватит, что в следственном изоляторе, на Книжной, за человека не считали. *(К портрету матери).* Ты, мама, кого родила? Не знаешь? Удивляешься моему вопросу? Правда, смешно спрашивать об этом. Известно же кого –

человека. Но я им, прости, не был... все семь месяцев... (*В движении*). Я там, на Книжной убедился в это. Сполня. Сейчас эта Книжная – как татуировка на теле... на всю жизнь с тобой... на всю... как служба в армии... как первый раз с девушкой согрешил... такое не забудется. Никогда. У нас там, послушай, мама, в следственном изоляторе собака была... Гришкой звали... А для чего? И ты не знаешь? Специально держали попкари... охранники. Чтобы нам, арестантам, показывать: смотрите, нелюди вы, смотрите, как мы хорошо относимся к собаке – не чета вам, отбросам общества. По правде говоря, Гришка – собака хорошая, она, если близко с тобой находится, и лизнуть пытается, только ей не дадут, оттащат человека от собаки. А собаке скажут – с упрёком: «Ты с кем связываешься? Друга нашла!» Хороший Гришка пес... Глаза нам мозолили им, Гришкой. Миша Лазюк не выдержал и искусал его... набросился, словно озверел, схватил за лапы, скрутил и давай кусать... А он, несчастный, скулит только, вырывается, а чтобы в ответ укусить – не решился... а он, Лазюк, оставил метки на теле у собаки... Позже уже, когда дурота прошла, решил у Гришки прощения попросить. Не простил. Отвернулся, съежился как-то, сжался весь Гришка, глаза закрыл... Собаки такого не прощают, не-е-ет. Такое простить может только человек. Выйдет, неделю поживёт на свободе и вся злость, что месяцами копилась на попкарей, пропадает – как и не было её, злости, ненависти... А сволочей там много. Чего только один Кривой стоит... И что интересно – чем меньшего роста попкарь, тем больше у него дерьяма. Попал бы мне, гад! (*Ударил кулаком по стене*). Что... что это со мной? Нервы? Руки дрожат – как у алкоголика. Дрожат руки... дрожат... А стена только причём здесь? Она – нет, не виновата. Телефон молчит. Так ему и надо. Вот, диван... (*Сел*). Я уже и забыл, что люди на мягким спят. На кроватях. На диванах. И не

по очереди, а как нормальные... Хм! Раз сколько приходилось и на вокзале ночевать. В камере и на вокзале. Да-да, я не оговорился. Это у двери, потому что не было где приткнуть голову. (*Посмотрел в окно*). Люди... Там – люди... Страшно! Страшно... к ним... А если снова дурак какой найдется, что-то ему не понравится... За воротник – и туда, а? Нет, нет, не-е-ет! (*Закурил в движении*). А где же мама? Мама, ты где? Я уже дома, ага. Знаю, что ты ждала. Ты мне часто снилась, мама. Ты и Иринка.

Лай собаки.

(*Выглянул в окно*). Лай такой, как у Гришки, а сам не похож. Шмакодявка. Хороший он человек, пёс Гришка... Да и разве же он виноват, что попкари заставляли его нас ненавидеть, людей, с издевкой, с пренебрежением смотреть на нас... У него, у Гришки, под ошейником всегда носовой платок был... когда сопли у Гришки появлялись, а он часто простужался, то брали платок и вытирали ему нос, а тогда снова платок на прежнее место – под ошейник. А Лазюк за то, что покусал собаку, пятнадцать суток отхватил. Будет знать, как собак кусать. (*Снял портрет матери, поцеловал*). Прости, мама. Прости. Я знаю – много горя тебе принёс, добавил седых волос. Если бы знал, что так получится – никогда бы не пошёл в то общежитие. Да я же и не виноват. Но я всё время для тебя – преступник. Даже и на суд не пришла. Это, может и хорошо, что не пришла. Мне бы тогда ещё труднее было – в глаза тебе смотреть пришлось бы. А это – трудно. Очень. Поверь. Да-да, бывают в жизни минуты, когда не совсем обязательно, чтобы мама была рядом... (*Повесил портрет на прежнее место*). Трудная у вас судьба, у матерей. Беда, что мы, дети, это понимаем всегда поздно – только тогда, наверно, когда сами становимся родителями. Или попадаем в такие вот ситуации, как и я...

(Соединяет провода телефона). Нет, всё же без телефона сегодня никак нельзя. Не может быть, что загадочная личность на другом конце провода не отозвалась хотя бы одним словом. Заставлю! Моя возьмёт! Кто-то же хочет что-то сказать. Подожду. Мне торопиться уже некуда. Комната в квартире – это не комната в изоляторе. Одно окно здесь что значит! С непривычки – так и смотреть на белый свет страшно. Чтобы ценить ту жизнь, которая за окном, -- надо, получается, там, на Книжной, побывать. *(Вспомнил о вещах).* А вещи? Сумка-а! Про вещи я и забыл совсем. *(Выбегает, возвращаясь с сумкой).* А могли шустро какиे и ноги приделать. Или, покамест я там бродил из угла в угол, люди больше честными стали, праведными, а? *(Выкладывает на стол вещи. К портрету матери).* Спасибо, мама, за сало, за лук... не всё, видимо, доходило, когда же все кушать хотят... колорадские жуки, как с ними не воюй, свою долю на картошке все равно возьмут... так и на вахте. Да чего там говорить! Сало здорово выручало. Не зря его хохлы с большой буквы обещают писать. И нам, белорусам, надобно. Оно и жёлтое сало, оно и в Африке сало. Чифирили. Заварка не задерживалась. Кровь в жилах разогревали – стыла... замерзала малость кровь... двигались мало... Это – кипятильничек. Здорово выручал. Кипяток имелся всегда. Кружку, как дед на войне, обхватишь руками... и ладони греются... и такое впечатление, будто бы с тобой, мама, за руку подержалась... Обычно такие вещи, как кипятильничек, передаются в камере по наследству... переходят к тем, кто только что поступил... Пока им что-то принесут – жить-то как-то надо. Меня тоже выручали. А кипятильничек со мной. Так получилось, что вещи при мне. Никто не ожидал, что меня освободят, все думали, что дальше повезут... по этапу... А меня выпустили. И я больше в камеру не вернулся. Помнишь же, мама, мы с тобой этот кипятильничек покупали, вместе... с

моей первой получки. Когда после школы на стройке работал. Там в бытовке розетка была... чаи гоняли, когда раствора не было. Кипятильничек вот и притянул из СИЗО. Если ещё в придачу и не бронхит... или астму. Капало или лилось... как на улице.

Звонок телефона.

(Подбежал, снял трубку. Определённое время молчит). Да, я. Привет. Какое письмо? А кто это, извините, со мной разговаривает? Да понимаю, что девушка. Не дед же беззубый. Ну всё же, кто со мной говорит? Да знаю, знаю уже, что мне предназначается письмо, и оно в ящице. Подруга Ирины? Алё! Алё! А где она сама? Где? По... подожди, не ложи трубку! Я прошу тебя! Умоляю! (Огорчённо, откровенно). Проститутка! (Выбегает. Возвращается с письмом, читает). И она меня похоронила, паскуда. Живьём в землю закопала. А сколько в верности клялась, в любви. А стоило малость поскользнуться – и куда всё девалось? Видали – её брата в милицейскую академию не возьмут, если наши отношения найдут слишком далеко. Да глупости всё это, несуразица! (Взял плюшевую собачку). Давай я тебя Гришкой звать буду? А? Хочешь? Хорошее имя. А главное – ты хорошая собака, когда Гришкой будешь... (Поставил собаку на стол). Сейчас обедать будем. Что-нибудь сообразим пожевать. А Ирке – салют! (Снова взял письмо). Подождите, почерк же, кажется, не её! Такое впечатление, что её сначала связали, а потом заставили это письмо писать... Мысли её – почерк чужой. «Я, Юрочка, узнала от людей, на каком ты Урале гостишь у брата. Может, ты и добрый, может, самый и лучший, но я не могу заставить себя сказать: твой, Ирина, муж – зэк. Звучит противно. Нет. Нет. Не могу. Извини и прости.» (Порвал письмо, развеял клочки по комнате). В таком случае – ничего для истории! (В движении). А может так

оно и лучше? Не декабристка. Не декабристка! Она бы всё равно тебе когда-нибудь изменила. Предала бы. Так лучше – сразу... (*Включил магнитофон, плывёт музыка, а сам ходит по комнате, заложив руки за спину, -- как и каждый раз*). Может, и не надо её винить, Иру? Даже если бы и был я на Урале, предположим, то не семь месяцев. За семь месяцев некоторые умудряются сегодня по семь раз жениться и развестись. (*Вдруг резко выключил магнитофон*). Хватит петь. Стыдно. Стыдно. Там, в камере, страдает от болезни Володя Шитиков... совсем больной... без лекарств... без еды... ему передачи не носят – нет кому... сирота... Ему – плохо, а я здесь *расслушался*...

Звонок телефона.

(*Подбежал, схватил трубку*). Слышаю! Да-да. Я понял, что это снова ты. Не ложи, пожалуйста, трубку. Расскажи мне, где Ирина, что и как. Почему она сама не позовонит? Что с ней случилось? Нет. Удивительно. В общежитии? Нет? А где же? (*Строго*). Как это не моё дело? Как это не моё? Ты думай, что говоришь! И вообще, ты на кого работаешь? На какую агентуру? Я не был виновен! Не был! И то, что в письме, вообще написано не ей. Понятно? Меня оправдали. Чего... зря? (*Небольшая пауза*). Оправдали меня! Тебе что, по слогам? Пойми же наконец! Нет, не поздно! Мне кажется, что Ирина рядом с тобой. Я слышу её дыхание. Не ври. Дай ей трубку. Дай трубку! Я прошу! Я люблю её. Только её. Одну. И больше никого. Кто... дурак? У тебя есть совесть ил нет? Душа – есть? Сердце? Ты хотя раз любила? Много раз... Тогда понятно. На мне, кстати, клейма нет, что я там был. Если бы я был негодяем, то сам просил бы, чтобы мне выжгли на лбу то слово, которое ты сплюнуть хочешь – «зэк». А так нету причины... Я слышу смех Ирины... Это она... Она что – тоже пьяная? Я у тебя спрашиваю, стерва? С кем вы? Где? Алё! Алё! Алё! (*Положил*

трубку, в движении). Ирина, значит, зря времени не теряла. Молодчина. А больше и сказать нет чего. (*Взял письмо, читает*). «Сердце моё для тебя – настежь. Ты это знаешь. Ты зашёл. Надолго. Если не на всю жизнь.» Зашёл и вышел... Зашёл и вышел. Следующий! Эй, ты слышишь! Заходи, братан! Каким по счёту будешь? А я, дурак, берёг её... не тронул... Тыфу! А сейчас она сидит у кого-то на коленях, рожу корчит... и сосёт, как расписная проститутка, из такого раскрашенного фужера вино и такой же негодяй целует её в сладкие губы... если в это самое время более существенного чего не делают... Прощай, Ирина! Я вышел из твоего сердца... Слышишь, стукнул дверьми? (*Набирает номер на диске телефона*). Справочная? Скажите, пожалуйста, когда идет поезд... Куда? Сейчас вспомню... минуточку! Вспомнил – на тот свет!.. Туда не ходят... туда лифт на верёвках... Понятно. А куда же мне поехать? Я серьёзно. Да я не пью! А у кого оно есть, время? Тем более, что у вас такой красивый голос. Я бы с удовольствием его послушал. Всё, всё, больше не шучу. Я вполне серьёзно спрашиваю... (*Огорчённо*). Положила трубку. А девушка – красавица! По телефону увидел. (*Энергично*). А мы ещё позовим! Так и быть! (*Набирает номер*). Занято. Пи-пи-пи-пи! А может и правда что выпить? Даже телефон подсказывает: *пи-пи-пей!* (*Выходит, возвращается с начатой бутылкой, несёт кое-что из еды, ставит всё это на стол*). Порядок! (*Потирает руками, наполняет рюмку*). Так что, одному пить? Одному – плохо. Стыдно. (*К портрету*). Мама, ну где ты? Возвращайся же скорее! Сын ждёт! Юра. Ты услышала, мама. Уже совсем где-то рядом твои шаги... слышу... жду! А пока ты перешагнёшь порог, я передам привет одному идиоту. (*Набирает номер*). Здравствуйте. Мне, пожалуйста, Алексея. А где он, не скажете? Как --больше не звонить? Он что – теперь уже не в СИЗО, а под домашним арестом, или как понимать. Положила трубку. Мать,

видимо. И её поймёшь: какая мать хочет, чтобы её дети водились с теми, кто похож на её сына. Только её ребёнок – самый лучший, хоть он и полный негодяй, а все остальные – негодяи неоспоримые. Но только по одному ребята почему-то не ходят, а ходят кучками. Нет, всё равно позвоню. Надо. (*Набрал номер*). Мне, пожалуйста, Алексея. Это снова я. Вы не ошиблись: я – отгудова. Он дома. Не позовёте к телефону, вынужден буду приехать к вам домой. У меня хватит смелости и нахальства, потому что оттуда я вернулся другим человеком... Плюньте тому в глаза, кто вам сказал, что оттуда возвращаются лучшими... добре. Враньё! Враньё! Более жестокие, нервные, озлобленные. Скорее всего так. Положительное что? Пожалуй, есть и положительное. Есть! Все, за редким исключением, заметьте... Заметили? Да, да. Любят чай пить. Вот! Это – положительно. В детском садике научат манную кашку ам-ам, а там – пить чай... только большими порциями. У меня просьба. Устная. Поручение, если точнее... И я должен его выполнить. В любом состоянии – живой или мёртвый. Таковы законы. Оттуда поручение... Поэтому лучше было бы сказать мне всего два слова. И точка. Да мне на вашего сына смотреть на хочется – лучше по телефону. Не приятно. Скажу, что надо, и до конца жизни знать его не желаю. (*Пауза*). Ты? Тебе привет от Дубровчика. Если ты не совсем дурак, то смысл слова «привет» понимаешь правильно. Он сидит. Ты – на свободе... Просил поинтересоваться, как ты себя чувствуешь, как спишь, как аппетит? У него и сон плохой, и аппетит никудышный. Подумай. Хорошенько подумай. Будь мужиком. Ну, да. Да. Да. У его родителей нет деньжат. У твоих – полно. К тому же, твой пахан – бывший депутат. А у него – пьяница... тару собирает... Ему не повезло с паханом. Только и всего. Многое в нашей жизни, к сожалению, покупается и продаётся... Так что не забывай, что твой подельник сидит... Адрес ты знаешь... Он,

кстати, в семье был единственным кормильцем... мать у него хворает сахарным диабетом... лекарства сейчас дорогие... братишко Шурик в школу топает по уграм... поинтересуйся, не босиком ли... а пахан – пьяница... никакой разницы между ним и бомжем... (*Медленно кладёт трубку*)... пьяница... пахан... пропащий... (*Спохватившись*). А где же мама? (*Выглянул в окно*). И там нету... не видать. Может, у тетки веры? (*Набрал номер*. Ему не отвечают. Снова набирает. Снова. Снова... Такое предчувствие, что со мной никто разговаривать не хочет. Все прячутся от меня, как мыши под веник... Все избегают... (*Вдруг заметил на полу под портретом чёрную ленточку, поднимает её, и в этот момент портрет падает*). Ма... ма... Ма...ма... (*В истерике*). Ма-ма-а-а-а! Чего же ты меня не дождалась? (*Поднимает портрет, прикрепляет его на прежнее место, сам того не замечая, руки машинально прикрепляют ленточку на портрет – где и была*). Ма-ма-а-а-а-а! Что же ты не дождалась меня? Прости, родная... прости... Это всё я... я... я... (*Схватил плюшевую собаку, бьёт её, рвёт*). Гады! Гады! Гады! Это всё вы, вы, вы!.. (*Ставит собаку на место, ласково гладит её по голове*). Прости, Гришка... Ты, Гришка, не виноват, что к тебе хорошо относится разная сволота... Не виноват... не виноват... не виноват...

Затемнение.

Недоразумение четвертое. **ПОДСОЛНУХИ**

ДЕЙСТВУЮТ:

ШКУТ СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ – пенсионер, 65 лет.

ИГОРЬ – муж

АНЯ – жена

АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА

МИЛИЦИОНЕР

Наши дни. Город.

Площадка перед входом в многоэтажный жилой дом.

Скамейка. Рядом – телефонная будка. Аня качает коляску и бросает короткие взгляды по сторонам.

АНЯ (*ребёнку*). А потом котик и говорит мышке: Мышка, Мышка, а поиграться ты не хочешь со мной? "Хочу, очень хочу!" – отвечает серенькая, и , вильнув хвостиком, спряталась в норке. И только видел её, хитренькую, котик Васька. Обманула!

Появляется Шкут. В руке – чемоданчик.

(Обрадованно – Шкуту). Ой, вас сам Бог послал!

ШКУТ. Вот как?

АНЯ. Представьте! Спасайте нас, дедушка, с Мишуткой. Вот он какой у меня, Мишутка! (*Наклонилась над ним, поиграла пальцами*). Лифт сломался, а мы кошелёк в квартире забыли.

Собирались в магазин, вышли – и только здесь спохватились. Но весь фокус, дедушка...

ШКУТ (*чувствуя себя неловко*). Зовите меня Сергей Павлычём.

АНЯ. Хорошо. Весь фокус в том, что живём мы на двенадцатом этаже.

ШКУТ. Ого-о! Так высоко не бывал.

АНЯ. А нам вот повезло. Спускаться с коляской ещё куда ни шло, а вот подниматься – жуть! Выручайте нас, деду... ой, извините, Сергей Павлыч.

ШКУТ. Ничего, ничего. Свои люди – разберёмся. Правильно, Мишка? Молодец – моргнул. (*Ане*). Вы, мамаша, можете заниматься своими делами. У мужиков свой разговор.

АНЯ. Поговорите, поговорите с ним. Он любит слушать.

ШКУТ. Это хорошо, что не берёт пример с моей бывшей женой – ту надо было только слушать, а пока взятку не дашь – сам слова не скажешь. (*Ане*). Иди, иди, мамаша. Не волнуйтесь. Мужики общий язык найдут. Тю-тю-тю-тю-ю!

АНЯ. Я мигом. (*Испаряется*).

Малыш заплакал. Шкун машет в сторону двери, за которой скрылась Аня, чтобы та не волновалась.

ШКУТ (*трясёт коляской*). Плачешь? Что это ты, Мишка, слёзы по горошине льёшь, а? Зачем? Чего ж так? Ты солдат или нет? Ну, ну! (*Пригрозил пальцем*). Давай мирно жить, друг Мишутка. Цыц! Цыц мухам-комарам! От завелся, трескунчик!

Чует чужой запах, гавнюк малый. Сколько там этого Мишутки, а шуму наделал? (*Трясёт коляску, но плач не прекращается*). Ку-ку! Ку-ка-рэ-ку-у-у-у! Курочка ряба... яичко снесла... а дед купил его... и тебе принёс... Цо-цо-цо-цо! Тю-тю-тю-тю! (*Улыбка на лице*). Хвалю! Молодец какой! Молодец! Вот... когда не плачешь - красовец, приятно на тебя и поглядеть. Что ж тебе за это презентовать? Заслужил. (*Роется в карманах, достаёт узелок*). О-о-о! А знаешь что это, Мишутка? Нет? Это семена подсолнуха. Это не совсем обычные семечки. Они из Америки. Подсолнухи вырастают - не объять руками... солнце закроют... если поливать да навоза хорошенъко положить. Чудо! Мишутка! Слушаешь меня? Ага! Я те вот о чём скажу... всю жизнь дед - то бишь я, Мишутка, хрен старый - мечтал свою землю иметь и подсолнухи посадить... чтобы красиво было вокруг... как в сказке... а прожил жизнь, почитай, и своей земли нет... на балконе только что... в вазоне... там земли ствой кулак... Эх, Мишка, Мишка! Хорошо тебе. Плохо – деду. Я ж всю жизнь на Севере жил... Почему, думаешь, мечтал о подсолнухах? Потому что на снег нагляделся - перед глазами белым бело, как будто всё время смотришь на чистый лист бумаги. Лежу в своём Якутске, выюга воет за стенкой, в окна стучит пурга, а мне подсолнухи видятся... всё поле в подсолнухах... (*Показывает Мишке узелок*). Вот оно, Мишка, всё моё богатство... всё, что на Севере скопил... семечки подсолнухов... Замкнул всё в квартире – и поближе к дому... Копил деньги всю жизнь, чтобы подсолнухи на своём огороде посадить... ну и домишку, конечно, купить... хорошо ещё, что собрал денег на билет... А вообще, Мишутка, я плохой дед... тебе такого не надо... Где-то у меня тоже внуки есть... и дети, видать... Бабы-то были... а раз бабы были, то и дети должны быть... А подсолнухи свои спрячу, спрячу... в карманчик. Так надёжнее. Чемодан и потерять можно, а тут надёжнее... с телом

рядом, их чувствуешь. Смотри ты, и тебе, карапуз, интересно деда послушать, вижу. О-о-о, я тебе про Якутск мог бы рассказывать и рассказывать – всю оставшуюся жизнь.

Вдруг раздаётся ошеломляющий женский крик. Шкут поднял глаза на окна.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Убей, убей, гад!

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Я тебе покажу курорт, медуза!

Женский визг переходит в крик, он то усиливается, то гаснет.

Кто письма пишет? До востребования? Кто-о-о? Колю нашла? Федя тебя уже не устраивает, курортница! Получай, получай, устрица!

ШКУТ. (с сочувствием). Убьет! Что ж это, люди?.. (Шарит глазами по сторонам). Если же их не пускать на курорты - то эти, кобели, сами наедут сюда... усатые. Пусть лучше ездят... Пусть...

Крик усиливается.

Точно, убьет. Спасать надо. Спасать. (Скрывается в телефонной будке, звонит). Милиция? Милиция? Убивают! Муж за курорт рассчитывается. Кулаком. Дак не знаю... мужик, одним словом, бабу лупит. И здорово. Да, да, перевоспитывает.

Всё те же крики. Грохот. Звон посуды.

Тарелки в ход пошли. Это, похоже, ещё артподготовка. Всё сражение впереди...

К коляске подбегает Игорь, забирает ребёнка, исчезает.

Улица Белова, дом пять... Это написано так на доме. Я-то человек здесь новый. Прохожий. Пожалуйста.

Крики прекращаются.

(Повесил трубку, подошёл к коляске). Угомонились. Курорты эти иногда долго вспоминаются. Малышу. Вот подрастай скорее, коляску в сторону... а сам ножками топ-топ... (Заглянул в коляску и обомлел). Мишуля... ты где? (Не веря глазам своим, нащупывает малыша в коляске, но испачкал пальцы, вытирает носовым платком). Не хочу... не хочу подсолнихи в тюрьме сажать. Кто бы мог пацана скоммуниздить? Кому в наше время лишний рот нужен, а? (Качает коляску).

Появляется Аня.

АНИЯ. (улыбается). Спасибо вам. Выручили.

ШКУТ (с горькой иронией). Да куда уж больше!.. Прозвонил я Мишутку... Всю жизнь не везёт.

АНИЯ (ничего не понимая). Вы... вы о чём?

ШКУТ. Заглянь в коляску.

АНИЯ (посмотрев в коляску). Ой! А где Мишутка?

ШКУТ. А мне откуда знать?

АНИЯ. Где мой Мишутка? (Трясёт Шкута). Я вас просила посмотреть! Вас! Вас!..

ШКУТ. Всю жизнь не везёт, всю жизнь меня трясут! Не ты одна. То поросят чемодан на вокзале покарауливть, а его сопрут. То поставят на уголу человека в очках подождать, а вместо его легавый появляется с овчаркой.

АНЯ. Где? Где? Где? Ой, боже! Он же ходить ещё не может!

ШКУТ. Ну не знаю! Не знаю! Дёрнул меня чёрт согласиться!
Тыфу!

Появляется Милиционер.

МИЛИЦИОНЕР. Где драка?

ШКУТ. Там!.. (*Безразлично махнул на окно*).

МИЛИЦИОНЕР. Понятно: Воронцовы.

АНЯ. Товарищ милиционер! Товарищ милиционер! Мишутка мой пропал. Сыночек.

МИЛИЦИОНЕР (*гляднув на часы*). Ещё рано - вернётся.
Набегается - и придёт.

АНЯ. Да он грудной!

МИЛИЦИОНЕР. (*думая о своём*). Такой далеко не уйдёт.
(*Спохватившись*). Каким способом исчез? Докладывайте!

АНЯ (*кивает на Шкута*). Вот его попросила покараулить, а сама в квартиру побежала... за кошельком, если и это интересно.

МИЛИЦИОНЕР. Всё, всё интересно.

АНЯ. Вернулась, а его нет... Мишутки.

ШКУТ. Средь бела дня! Безобразие!

МИЛИЦИОНЕР (*оценивающий взгляд на Шкута*). А вы кто такой?

ШКУТ. Обыкновенный Шкут. Но я не брал! Не брал! Я, товарищ милиционер, своих побросал! А зачем мне чужой? Смешно! Вот я к вам звонил... это, кстати, я звонил... прошу учесть... и стибрили. Ага!

АНЯ. Ой, боже! Мишутка, родненький, миленький! Сыночек!

МИЛИЦИОНЕР. Успокойтесь, женщина. Найдём твоего пацана. Не иголка.

ШКУТ. Я - пас! Я - пас! (*С мольбой в голосе*). Люди! Кто видел Мишутку? Я у вас спрашиваю? Верните пацана! Гады! (*Милиционеру*). Хотите, чемодан открою? Рубашка там, тапочки, носки... Вот ключ... сейчас, а то не поверите. (*Открывает чемодан, но на него никто не обращает внимания*).

АНЯ (*милиционеру*). Помогите!

ШКУТ. Ворюги!

МИЛИЦИОНЕР (*пристальный взгляд на Шкута*). Не брали, говорите?

ШКУТ. Вот те крест! Вот те!..

МИЛИЦИОНЕР. Что-то вы мне кажетесь подозрительным. Где я вас видел? Или не видел?

ШКУТ. В кино не снимался.

МИЛИЦИОНЕР. Но вы - артист! Артист хороший!

ШКУТ. Ну, уж... скажете... за что такое уважение... такая популярность? Начнут автографы братъ... если услышат... (*Повертел головой по сторонам*).

АНЯ. Так почему же мы стоим?

МИЛИЦИОНЕР (*достал бумагу, ручку, сел на скамейку*).
Фамилия?

ШКУТ. Чья?

МИЛИЦИОНЕР. И ваша тоже.

АНЯ. Шкун Анна Вадимовна.

ШКУТ. Шкун Сергей Павлыч.

МИЛИЦИОНЕР (*удивлённо*). Вы что – родственники?

АНЯ (*растерянно крутит головой*). Н... нет.

МИЛИЦИОНЕР (*Шкуну*). А вы что скажете?

ШКУТ. Не знаю... Так, товарищ милиционер, женщины были!.. У-у-у-у-у-у!

МИЛИЦИОНЕР (*строго*). Прошу за мной в отделение!

ШКУТ. Думаете, Мишутка там будет?

МИЛИЦИОНЕР. Будете много разговаривать... найду за что... Всё поняли?

ШКУТ. Я-всегда! Что – вперёд? В отделение?

МИЛИЦИОНЕР. Да. Вперёд. (*Анё*). А вы, гражданочка пострадавшая, прихватите фотокарточку сына. В ваших интересах.

АНЯ. Да, да... Я сейчас. (*Исчезает*).

Появляется Игорь с ребёнком.

ИГОРЬ. Здрасте! (*Аккуратно положил малыша в коляску*).

ШКУТ (*воспрянув духом*). Вот он, Мишутка! Он! А вот он, воришка! Тебе что, по моргалам заехагь? Держите его, товарищ милиционер! Держите! (*Держит Игоря за ворот*). Вам деньги платят, а держу за воротник я. Зачем ребёнка брал, негодяй, подонок, обормот? Да я тебе!

ИГОРЬ. Тише... Не кричите... Спит...

ШКУТ (*отпустил Игоря*). А-а... твоё спасение, что прикимарили... а то бы!.. Ты у неё, у матери, воруй. Понял? Выбирай момент... а мне туда, куда не пускают по блату, не надо.

МИЛИЦИОНЕР (*поманил пальцем Игоря*). И зачем вам, молодой человек, воровать детишек?

ИГОРЬ. Я временно!..

ШКУТ. Видали! Он по совместительству! На полставки!

МИЛИЦИОНЕР. (*Шкуту*). Вы свободны. А то договоритесь, что арестую.

ШКУТ. Молчу, как хек!

МИЛИЦИОНЕР. Пусть бы он воровал – другое дело: стариk. А ведь ты ещё и сам можешь заиметь.

ШКУТ (*защищая себя*). Ну-ну-ну! Это кто стариk? Мы ещё – о-го-го!

МИЛИЦИОНЕР (*Игорю*). Фамилия?

ИГОРЬ. Шкут.

МИЛИЦИОНЕР. Вы что тут... все Шкуты?

ИГОРЬ. А кто ещё?

МИЛИЦИОНЕР. Мать ребёнка. Прохожий. Вот он. Теперь вот вы.

ИГОРЬ. Не знаю. Я отец Мишутки. Понимаете? Вот его. Законный отец. Вопросы есть?

ШКУТ. А кто же тогда я? (Закрыл глаза, пошатнулся, держась за сердце, но устоял на ногах).

ИГОРЬ (*Шкуту*). Вам плохо, дед?

ШКУТ. Нет... нет... мне хорошо... Здравствуй, сын... Это я... папа...

ИГОРЬ (*расхохотавшись*). Я вас не знаю... и знать не хочу.

ШКУТ. Как же? Мать разве не говорила, что у тебя отец есть?

ИГОРЬ. Нет, что вы! Она врать не способна.

ШКУТ. Бред! Я тоже... законный!

Появляется Аня. Заметив её, Игорь попытался убежать, но его придержал милиционер.

МИЛИЦИОНЕР. Стоять! Куда?

ШКУТ (*торжественно*). Нашёлся внук! Нашёлся!

АНЯ. Какой ... внук?

ШКУТ. Мой! Мой внук, а твой сын. Ну Мишутка! Миша.

АНЯ. Что за бред? (*Подбегает к коляске*). Родненький! Спит. Золотце моё! Миленький! (*Игорю*). Ты? Твоя работа?

ИГОРЬ. Я! Это, между прочим, мой сын! Он такой же, как и твой! Суда ещё не было...

МИЛИЦИОНЕР. У вас претензии к гражданину имеются?

ШКУТ. Какие могут быть претензии, когда всё хорошо кончилось, товарищ сержант?

МИЛИЦИОНЕР. С вами я не разговариваю.

ШКУТ (Ане). Скажи, скажи, что амнистируешь.

АНЯ (*безразлично*). Амнистриую... (*Игорю*). Но если ещё хоть раз такое повторится... вот при милиционере заявляю... да - да... не ухмыляйся... не прошу!

ШКУТ (*милиционеру*). За воровство собственного ребёнка статья есть? Что - то не слыхал...

МИЛИЦИОНЕР. Найдём! (*Козырнул, ушёл*).

ШКУТ. Дела - а!

АНЯ (*Игорю*). И домой заходить не вздумай! (*Исчезает вместе с коляской*).

ШКУТ. Дела - а!

Пауза.

ИГОРЬ (*с презрением*). Откуда ты взялся?

ШКУТ. Приехал. Когда - то... давным - давно я здесь жил.

ИГОРЬ. Вспомнил?

ШКУТ. Родные места... Присядем?

ИГОРЬ. Постою.

ШКУТ. В ногах правды нет.

ИГОРЬ. А где она есть?

ШКУТ. Значит, и ты так живёшь, как я жил. Наследственная болезнь. Деньги я ведь посыпал.

ИГОРЬ. Матери. Не мне.

ШКУТ. Матери – для тебя.

ИГОРЬ. Не знаю. Я их в руках не держал.

ШКУТ. А сколько тебе сейчас?

ИГОРЬ. Много!

ШКУТ. Письма писал. Мать не отвечала. Года два бумагу портил. А потом... другая женщина, другая семья... Эх, жизнь! Широка Волга, да мне - то толку что? Ночевать пустишь?

ИГОРЬ. С Аннушкой разговаривай.

ШКУТ. Это она - то – Аннушка? Стерва она!

ИГОРЬ (*бросился к Шкуту, но остановился*). Как ты смел?! Ты же её не знаешь!

ШКУТ. Любишь, значит, если защищаешь. А я ни одной бабы не защищал. Я больше подсолнухи люблю. Ан-нуш-ка-а!

ИГОРЬ. Я пошёл. Если пустит, спи на моей кровати.

ШКУТ. А сам - то где живёшь?

ИГОРЬ. На чердаке. С голубями. Каратин у меня.

ШКУТ. Погрызлись?

ИГОРЬ. Не твоё дело.

ШКУТ. Ты вот что, сын: выше нос!

ИГОРЬ. Да пошёл ты!

ШКУТ. В меня, гляжу, в меня!

ИГОРЬ (громко). Не хочу! Не хочу быть в тебя-я-я!

ШКУТ. Не всё, дружок, от хотения зависит.

ИГОРЬ. Неправда!

ШКУТ. Задержись. Я ведь тоже с птицами спал. У тебя птицы получше... покрупнее... я с воробушками. У нас почему-то воробы жили. А потом и уехал. Мать не простила, я не простил... Теперь вот ты меня за отца не признаёшь. Не будь мной, Игорь. Слышишь? Послушай старого дурака. Уступи. Кто-то же должен уступить.

ИГОРЬ. Аннушка идёт. Поговорите с ней. (*С иронией*). Она пустит.

ШКУТ. Закинь словечко.

ИГОРЬ. Хм. У неё когда дурь начинает бродить в голове – с ней сам чёрт не поговорит. (*отдаляется*).

ШКУТ. Тебя искать по какому адресу?

ГОЛОС ИГОРЯ. Голубятня номер один!

ШКУТ. (*кричит вслед*). Не стань только сам птицей, Игорь! Не улети! Держись гнезда!

Появляется Аня.

АНЯ (*недоброжелательно*). Вы всё ещё здесь?

ШКУТ. Тебя жду.

АНЯ. Зачем я вам?

ШКУТ. Разобрались! Понимаешь? Разобрались! Игорь – мой сын! Мой!

АНЯ. Тогда и вы такой дурак, как и он!

ШКУТ. Ну зачем же так? Зачем же?

АНЯ. Его отец давно умер.

ШКУТ. Это не правда. Я – вот! Вот он я! Жив, здоров и не кашляю! А? С чемоданом! Это всё, что заработал за всю жизнь.

АНЯ. Нетушки! Если умерли, то умерли! Много вас под старость найдётся. Нечего оживать!

ШКУТ. Ну, а переночевать вы меня хоть пустите?

АНЯ. Ещё чего! Как я могу совершенно чужого человека пустить ночевать? Вы думайте, что говорите.

ШКУТ. Да я уже и не знаю, что говорить...

АНЯ. А может, вы бандит, вор? (*Скрылась за дверью*).

ШКУТ. В некотором роде она права... Но я же свой бандит... свой вор! Да у меня же никого нету в этом городе! Кроме вокзала! (*Кричит*). Люди-и! Ищу вдовушку-у-у! Непьющую. С квартирой. С теплой водой... Примите, меня, Шкута, бабы! Я на грядках подсолнухов насажаю – красота-то будет! А-а-а? Отогреете-е-е! дайте голову к чему-нибудь приткнуть! Не толкайте меня снова в вечные снега-а-а! Я хочу подсолнухи выращивать!

ГОЛОС АНАСТАСИИ САЗОНОВНЫ. Эй ты, подсолнух!

ШКУТ. Я! Я! Как вы там поживаете? (*Задрали голову*).

ГОЛОС АНАСТАСИИ САЗОНОВНЫ. Поднимайся на восьмой этаж. Я встречу.

ШКУТ. Ага! Ага! Бегу-у! (*Исчезает*).

Затемнение.

Комната в городской квартире. Она довольно скромно обставлена. Распахиваются двери, заходят Анастасия Сазоновна и Шкут.

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Вот здесь я и живу.

ШКУТ. Вижу, вижу. Ничтяк. Мне нравится.

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Особо похвастаться нет чем – квартира как квартира. Обстановку ещё с мужем покупала... пухом земля ему.

ШКУТ. Пухом!

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. С Вадиком.

ШКУТ. Мне кажется, я попал удачно. Этаж только вот пониже бы... высоковато. Но я летать не собираюсь. (Засунул ноги в тапочки).

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Это будет зависеть от вашего поведения.

ШКУТ. Даже?

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Представьте себе! Ноги вытерли?

ШКУТ. Я в тапочках...

АНАСТАСИЯ. Довольно быстро вы осваиваетесь.

ШКУТ. Нам не привыкать.

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Похоже, вы прошли огонь, воду и медные трубы.

ШКУТ. И снега! Добавьте! Колымा.

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Пожалуй, начнем... (*Протянула руку*).

ШКУТ. С большим желанием. А с чего?

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Ваш паспорт!

ШКУТ. Есть. А как же. (*Протянул паспорт*). Это Володька... поэт... друг мой пропил. Не считите за трудность познакомиться.

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Не волнуйтесь. Опыт есть. Мне тоже не привыкать. Сергей Павлович... Приятное сочетание – Сергей Павлович...

ШКУТ... и Анастасия Сазоновна.

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Седина в голову... (*оглядывает Шкута*), а бес в ребро. Но мужчину седина, между прочим, красит.

ШКУТ. Это мне комплимент?

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Вам! Вам! Гордитесь!

ШКУТ. Непременно. Непременно.

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА (*продолжает знакомиться с паспортом*). А вы старше за меня на целых одиннадцать... месяцев!

ШКУТ. Пустяки! Пустяки, Анастасия Сазоновна!

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. А вы, гляжу, кися?

ШКУТ. Иногда! Иногда! Особенно, когда в уютной комнате нас двое... он и она. И лёгкая, как пёрышко лебедя, музыка...

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Рамэо?

ШКУТ. О, да! (*Вдруг*). А кто это такая, Константа?

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА (*хмыкнув*). Такой. (*Резко*). Возьмите паспорт! Возьмите, возьмите!

ШКУТ. А в чём, если не секрет, заковыка, моя Афродита?

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Вы женатый человек.
Убирайтесь!

ШКУТ. Какой бред! Какой бред, госпожа Анастасия Сазоновна! На меня летят холодным дождем брызги оскорблений! Вот они! На моей ладони!

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. У вас в паспорте имеется отметка, что вы женат.

ШКУТ. Всего лишь недоразумение. Отметка есть. Да. Но моя благоверная Маруся, к сожалению, там, где и ваш Вадик. И, возможно, он добивается от неё там любви... негодяй! Да я ему!

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Убирайтесь. Я не люблю повторять.

ШКУТ. Но вы уже повторили. (Агрессивно-притворно). А вы не кричите! Не гоните, госпожа лошадей! Они не запряжены! Сама телега не покатится! Кто здесь хозяин? Кто? (Наступает на Анастасию Сазоновну). Кто?

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Я.

ШКУТ. А буду я! Шкут Сергей Павлович! Имею честь! (Отбил поклон). Прошу любить и жаловать! Я вас сразу признал, едрёна мать!.. Вы спасли меня! Не забуду, как родину! Вы подобрали меня! Как упавший на мостовую цветок! Его хотели растоптать кирзачами сорок пятого размера, но вы не дали! (Упал на колено). Вы! Вы! Вы! Идите ко мне, дорогая Анастасия Сазоновна! (Протянул руки). Бросьтесь в мои объятия и я заключу в них вас, как самый хищный зверь свою жертву! Не бойтесь меня! Я сильный! Я преклоняю пред вами, свою лысую и седую голову!..

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА (отмахиваясь). Прекратите этот концерт.

ШКУТ. Не могу. Я когда войду в азарт – меня остановить может только наряд милиции. С овчаркой. Гав-гав!

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Буду кричать.

ШКУТ. Да! Вы будете кричать! Но только от радости! От счастья!

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА (придя в себя). А вы мне начинаете нравиться.

ШКУТ. Я знаю.

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Боже, какая самоуверенность!

ШКУТ. Разрешите, Настя, ополоснуться? Что вы сказали? Или мне послышалось? (Ковыряется в чемоданчике). Полотенце у вас не найдётся? Мыло тоже... И мочалку, пожалуйста. Кстати, я покупал в Ташкенте на базаре мочалку... вечного ничего не бывает... вот отмоюсь, посажу подсолнухи и поеду снова в Ташкент... за мочалкой...

Анастасия Сазоновна молча протянула Шкуту полотенце.

Спасибом, как говорится, не отдаешься... но мы знаем, чем можно женщину, да ещё такую... (хлопнул по заднице) отблагодарить.

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Вы мне нравитесь ещё больше.

ШКУТ. Я знаю. Не скучайте, пока я буду в ванной. (Выкладывает из кармана сверток с семечками).

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Нахал. А нравишься. Мужик.

ШКУТ. Ещё какой мужик!

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Но первое впечатление может быть обманчивым.

ШКУТ. Только не у вас.

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Мойтесь, мойтесь, кися.

ШКУТ. Моюсь, моюсь, лапочка. (*Исчезает*).

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. А ничего... кажется. Значит, Клавка мне нагадала правильно... Ну, Клавка!.. (*Осторожно, как бы не испугнуть кого, ходит по комнате*).

ГОЛОС ШКУТА. Мне хорошо-о-о-о!

Журчит вода.

Фу-у-у! Колыму смываю!

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Чай, Сергей Павлыч, с лимоном вам?

ГОЛОС ШКУТА. Желательно с колбасой.

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Ага! Ага!.. (*Выходит и сразу появляется. Себе*). Чай поставила. Колбаса есть. Бутылочка – тоже.

ГОЛОС ШКУТА. А как у вас насчет детей?

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА (*охотно, как бы только и ждала этого вопроса*). Имею. Имею. Не хуже других. Дочь.

ГОЛОС ШКУТА. А чего ж так слабо?

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА (*не сразу*). Не было за что купить. Купила не было. А у вас, простите?

ГОЛОС ШКУТА. Четверо... по моим скромным подсчетам.

АНСТАСИЯ САЗОНОВНА. Такому мужику, как вы, стыдно не иметь столько детей.

ГОЛОС ШКУТА. Детей? Да нет, жён. Примерно четыре жены у меня было... дай бог память. А у них в среднем по двое наследников. Ну, как?

Анастасия Сазоновна потеряла на некоторое время дар речи.

Не слышу-у-у!

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Х... хорошо-о...

ГОЛОС ШКУТА. Я думаю! Раньше песни хорошие были. Под них созидалось...

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА (*принесла чайник, разливает чай*). А у меня дочь... как я сказывала. Красавица. Не пьёт. Не курит. Замужем. Своя квартира.

ГОЛОС ШКУТА. А живет - то где?

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Здесь. По-соседству. В одном подъезде. Аннушка.

ШКУТ (*не выдержал, выбежал из ванной, неловко прикрываясь полотенцем*). Аннушка?

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Хорошее имя, правда?

ШКУТ. А его... мужа... как?

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Игорь. А что, знакомы?

Шкут исчезает.

ГОЛОС ШКУТА. Нет.

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Неудачный зять попался. Дочка – прелесть, а зять – пустое место. Лентяй. Выпить любит. На других посматривает...

ГОЛОС ШКУТА. А у меня тоже сын Игорь есть. Нет, извини, у меня их два. Один здесь живет, рядом...

Анастасия Сазоновна расковыряла узелок с семечками, понемножку щелкает семена.

в одном с вами подъезде... жену его Аннушкой зовут...

Анастасия Сазоновна поперхнулась.

Жаловался, что кроме яичницы ничего не может готовить...
Заглядывается на чужих мужчин... покуриивает... выпивает...

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА (*не находит себе места*). Вы!
Вы!.. Нахал!

Появляется Шкут, причесывается.

Подлец! Вы оскорбили меня!

ШКУТ. Вас? Когда?

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. Убирайтесь! Сейчас же!
Родственничек, называется! Комедии здесь разыгрывает.

ШКУТ (заметил, что нет семян, схватил тряпочку, в которой они были). Подсолнухи! Подсолнухи мои! Слопала!.. Я же их два года в правом кармане носил... из Америки... все деньги с кошельком за семена отдал... Что ж ты так, Анастасия-я-я?!

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. А не вкусные... не-а. Тыфу!..

ШКУТ (в движении). Хотел, что бы кругом были подсолнухи! Чтобы красиво было! Всегда! Везде!..

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА (*приносит полмеха семян, сует Шкуту*). Держи! Будем вместе семена в землю тыкать. Ты и я. Откроем артель у меня на трех сотках... Хватит?

ШКУТ. Так... должно... Эти в карман не засунешь.

АНАСТАСИЯ САЗОНОВНА. А сейчас пошли своих подсолнухов мириТЬ.

ШКУТ. Так веди... в городе, на асфальте, какой подсолнух вырастает, что б его по шапке не потрепать?

Анастасия Сазоновна исчезает.

(В зал). Тепло у неё, у этой бабенки. Подсолнухи будут расти! Не сомневайтесь! (*Исчезает*).

ЗАНАВЕС

© Інтэрнэт-версія: Камунікат.org, 2010 год

© PDF: Камунікат.org, 2010 год